

В. Воробьёв

СОЛНЦЕВА
СЕСТРА

В. Воробьёв

СОЛНЦЕВА СЕСТРА

**СКАЗКИ
ПО МОТИВАМ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА**

**Художник
С. МОЖАЕВА**

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ТЕРЕМОК

Надоело Мухе быть неприкаянной.

Жужжит, жужжит, учит всех, как жить, а самой негде голову приклонить, негде от беды спрятаться.

Вот и надумала Муха себе теремок поставить.

Принялась она былинки собирать, на спине таскать, из них стены складывать.

Прискакала Лягушка-квакушка. Спрашивает:

— Ты чего, Муха, делаешь?

Муха сказала:

— Построю теремок, запрусь на замок.

Квакнула Лягушка:

— Ква! Где один, там и два! Давай теремок на двоих поставим!

Муха сказала:

— Пож-жалуйста!

Принялась Лягушка глину месить, печку лепить.

Мышка Серая прибежала. Спрашивает:

— Чего делаете?

Муха с Лягушкой-квакушкой ответили:

— Поставим теремок, запрём на замок.

А Мышка и говорит:

— Где два, там и три. Давайте на троих терем поставим!

Муха сказала:

— Пож-жалуйста!

Обрадовалась Мышка Серая. Принялась камешки носить, крылечко мостить.

Мимо Заяц бежал. Прыг-скок, прыг-скок! Встал и говорит:

— Не так терем ставите! Надо крышу повыше.

Муха сказала:

— Помоги, пож-жалуйста! Пустим и тебя в терем жить.

— Ладно! — сказал Заяц. — Где трое, там и четверо! — И полез на крышу гвозди забивать.

Муха былинки носила.

Лягушка глину месила.

Мышка камешки мостила.

Заяц гвозди забивал.

Получился теремок всем на удивление, всем на загляденье. Крыльцо каменное. Дверь дубовая. Стены крепкие. Крыша высокая. И окошки с красными ставеньками.

Стали в тереме жить-поживать

Муха-домовуха,

Лягушка-квакушка,

Мышка Серая

и Заяц Прыг-скок.

Пришла Лиса. Увидела теремок. Ступила Лиса на крыльцо каменное, постучала в дверь дубовую и спрашивает:

— Терем-теремок! Кто в тереме живет?

Отвечают ей из терема:

— Я, Муха-домовуха!

— Я, Лягушка-квакушка!

— Я, Мышка Серая!

— Я, Заяц Прыг-скок!

— А ты кто? — спросили все разом.

Лиса облизнулась, сладким голосом пропела:
— Я в лесочке живу. На пенёчке сижу. А зовут меня Патрикеевной.

А сама думает: «Муху слизну, Лягушку проглочу, Мышку съем и от Зайца косточек не оставлю!»

— Уходи, Лиса, прочь! Мы тебя не пустим! — сказали Муха, Лягушка, Мышка и Заяц.

Пощарапалась Лиса в дверь — она дубовая. Потрясла стены — они крепкие. Поглядела на крышу — высоко!

Укусила Лиса с досады себя за хвост и убежала ни с чем.

Тут откуда ни возьмись — Волк.

Увидел теремок. Шагнул на крыльцо. Грохнул лапой в дверь дубовую и говорит:

— Кто тут в тереме живёт?

Ему из терема ответили:

— Я, Муха-домовуха!

— Я, Лягушка-квакушка!

— Я, Мышка Серая!

— Я, Заяц Прыг-скок!

— А ты кто? — спросили все разом.

— Я Р-рыкало! По лесам р-рыскаю!

А сам думает: «Муху слизну, Лягушку проглочу, Мышь проглочу. И от Зайца ничего не останется».

— Уходи, Волк! Мы тебя не пустим! — закричали Муха, Лягушка, Мышка и Заяц.

Принялся Волк дверь ломать — она дубовая. Стены трести — они крепкие. И на крышу не залезть — высокая.

Укусил Волк со зла себя за хвост и ушёл ни с чем.

А потом притопал Медведь. Да как рявкнет:

— Кто-о в тер-реме живёт?!

Испугались все, отвечают:

— Я, Муха-домовуха.

— Я, Лягушка-квакушка.

— Я, Мышка Серая.

— Я, Заяц Прыг-скок.

— А ты кто? — спросили тихонечко.

— Я Медведь Некуда-силу-деть! Раздавлю вас вместе с теремом! — сказал Медведь страшным голосом.

Зажужжала Муха жалобно:

— Пож-жалей нас, пож-жалуйста! Пож-жалей, пож-жалуйста!

Мышка с Лягушкой заплакали:

— Мы ма-аленькие!

А Зайчик дрожит, от страха глаза закрыл.

Говорит Медведь:

— Я тоже хочу в избе жить!

Муха обрадовалась:

— Не туж-жи! Мы тебе помож-жем!

Закричали Мышка, Лягушка, Заяц:

— Я глину месить!

— Я крылечко мостить!

— Я гвозди забивать!

— Поставим тебе избу!

— Ладно! — сказал Медведь и пошёл лес валить, избу ставить.

А Муха, Лягушка, Мышь и Заяц из терема выбежали и стали ему помогать.

Лягушка-квакушка глину месила. Мышка Серая крыльцо мостила. Заяц Прыг-скок гвозди забивал. А Муха окна мыла.

Славная изба получилась: большая, светлая.

Стал Медведь в избе жить-поживать, а Муха, Лягушка, Мышка и Заяц — в своём тереме.

Вот опять к ним Волк с Лисой пришли. Теперь вдвоём.

И запели, завывали на два голоса:

— Терем-теремок! Кто в тереме живёт?

Муха, Лягушка, Мышка и Заяц храбро ответили:

— Я, Муха-домовуха!

— Я, Лягушка-квакушка!

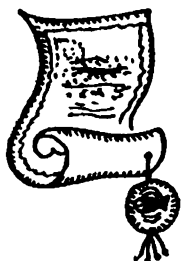
— Я, Мышка Серая!

— Я, Заяц Прыг-Скок!

И сказали все разом:

— А вы, Лиса с Волком, ступайте прочь! Не то соседа нашего позовём — Михаила Потапыча!

Испугались Волк и Лиса. Убежали поскорей. Медведь-то вон какой сильный!

О ЕРШЕ ЕРШОВИЧЕ СЫНЕ ЩЕТИННИКОВЕ

Объявился Ёрш в Ростовском озере. Всюду бегаёт ошетилившись. Кого ни встретит — уколёт, с кем ни заговорит — обидит.

А судьёй в Ростовском озере был Осётр — умом остёр, на приговоры крут. Вот ему на Ёрша и пожаловались:

Сом Усатый,
Окунь Полосатый,
Мокрый Линь,
Головастый Налим
и Сорога Красноглазая.

Осётр долго не раздумывал. Приказал карасям-стражникам Ёрша на суд тащить, чтоб судить его при всём честном народе.

Пригнали караси Ёрша. Собралось рыбы всякой видимо-невидимо.

Осётр Ёрша спрашивает:

— Кто таков?

— Ёрш Ершович Щетинников! — отвечает Ёрш безбоязненно.

— Из каких мест объявился здесь?

— Я из моря пришёл, из Каспийского, — отвечает Ёрш.

Судья Осётр — умом остёр — ему говорит:

— Непристойно ведёшь себя в нашем озере.

Кого ни встретишь — уколешь, с кем ни заговоришь — обидишь!

— Назови ябедников! — сказал Ёрш,

Осётр назвал:

— Сом Усатый.

Окунь Полосатый,

Мокрый Линь,

Головастый Налим

и Сорога Красноглазая.

Ощетинился Ёрш. Закричал:

— Я за дело их бранил! За дело наказывал!

Они с пожара убежали! Да если бы не я — сгорело бы ваше озеро Ростовское!

Осётр верит не верит. Велит говорить жалобщикам.

Сом Усатый, Окунь Полосатый, Мокрый Линь, Головастый Налим и Сорога Красноглазая в один голос заявили:

— Врёт он всё! Не горело наше озеро Ростовское. Хоть спроси о том Золотого Язя и Леща Серебряного. Они наши свидетели.

Осётр спросил Язя и Леща:

— Был пожар?

— Не было, — ответили свидетели.

— Как так не было! — закричал Ёрш и глаза выпучил на Язя Золотого и Леща Серебряного.

Но судья Осётр был умом остёр и крика Ершиного слушать не стал, а приказал ему всё рассказать по порядку.

Ёрш рассказал:

— Опускалось солнце красное, каленое да задело озеро Ростовское с одного конца. Оно и вспыхнуло. Вот-вот на другой конец пожар перекинется! Я Сом — за усы, Окуня — за бока, Линя — за шиворот, Налима — по башке, Соро-

гу — по заливку. Кричу им: «Помогайте пожар тушить!» А у Сома от страха усы обвисли. Окунь бока в сажу выпачкал. Линь вспотел, пить захотел. У Налима от дыма башка распухла. У Сороги от жара глаза стали красные. Убежали все! Я один пожар затушил! Да если бы не я — выгорело бы ваше озеро Ростовское сверху донизу!

Судья Осётр взглянул на жалобщиков. Посмотрели на них свидетели. Уставился народ честной. И видят все:

у Сома — усы висят,
на боках Окуня — сажу полосами,
Линь весь потный ещё,
у Налима голова огромная,
у Сороги до сих пор глаза красные.

И судья со свидетелями, и честной народ подумали: «Похоже, Ёрш правду говорит».

Тогда Сом Усатый, Окунь Полосатый, Мокрый Линь, Головастый Налим и Сорога Красноглазая поклонились судье в пояс, а народу честному — до земли. И сказали:

— Не обессудьте нас! Мы такие отроду.
— Я усатый.
— Я полосатый.
— Я мокрый.
— У меня голова большая.
— А у меня глаза красные.
— И мальцы наши такие же. Может, скажет Ёрш — и они на пожаре были?

Посмотрели вокруг себя свидетели и народ честной. И видят: снуёт повсюду мальцов-мальцов видимо-невидимо! Одни усатые, другие полосатые, мокренькие, головастенские, красноглазенькие!

Выходит, Ёрш неправду сказал. Не было по-

жара. Не горело озеро Ростовское. А сомы уса-
ты, окуни полосаты, лини мокры, налимы голо-
васты, сороги красноглазы — отроду. И детки
у них такие же.

Судья Осётр был умом остёр и на приговоры
крут. Он тотчас приказал:

— Изгнать Ерша Ершовича Щетинникова из
озера Ростовского. Прогнать его в море Каспий-
ское, на прежнее жительство!

Подхватили Ерша караси-стражники. А Ерш
топорщится, упирается.

— Не пойду! — кричит. — В море теперь вода солёная!

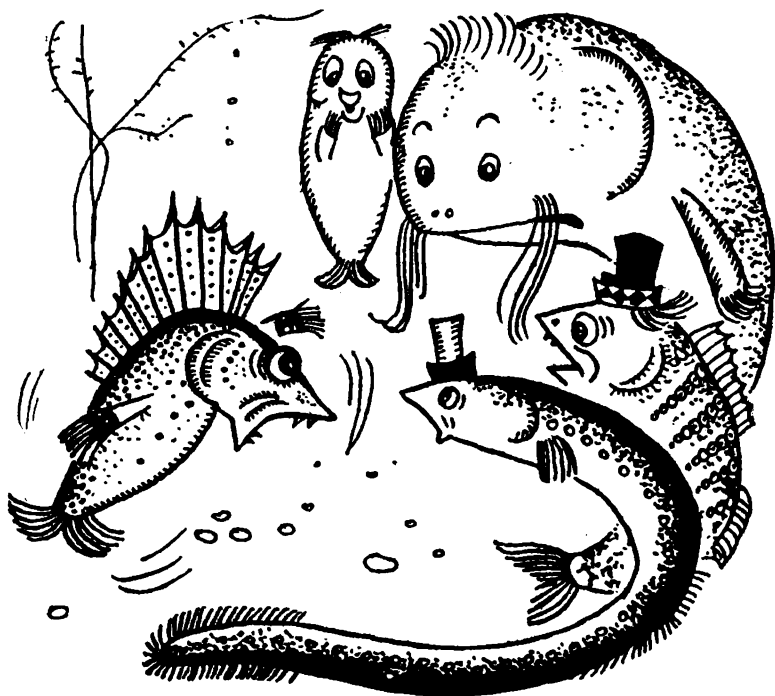
— Отчего стала в море вода солёная? — спрашивают его.

— Рыбаки соль всыпали. Будут уху варить! Снизу моря уж дровишки сложены! — вскричал Ерш.

Честной народ Ерша пожалел.

И судья Осётр — умом остёр — другое назначил ему наказание: снимать с крючков приманку. Чтоб никто в Ростовском озере на удочку не попался.

И теперь, когда бы ни закинул рыбак удочку

в озеро — ерши тут как тут! Червя с крючка долой — и бежать.

Правда, случается, и сами попадают, когда; червяка с крючка еще не снявши, отнимать его друг у друга примутся.

ВАНЬКА

Было это в стародавние времена, никто не помнит когда. Жили отец с матерью, и был у них сын Ванька.

Отец в поле работает — Ванька помогает. Отец в лес по дрова — и Ванька с ним. Ничего не скажешь, хороший сын.

Да вот только никак отец с матерью женить Ваньку не могли. Какую девицу Ваньке ни покажут, всё не по нём. У той коса тонка. Та сама толста. У этой нос курнос. У той под носом мокро.

Вот однажды отец говорит:

— Кой-то леший горох у нас повадился воровать! Ступай, Ванька, ночью горох караулить.

Ванька слова лишнего не сказал, сыromятных ремней взял, пошёл горох караулить.

Вот спрятался Ванька в горохах и лежит-полёживается.

Стало солнышко клониться красное — Ванька думает: «Вот бы мне невесту светлу, как солнышко. — Взошёл ясный месяц на небо. — И чтоб месяц в косе блестел. — Зажглись в небе звёзды. — А глаза у неё, как звёзды, бы сияли. — Ветерок Ванькины кудри тронул. — И чтоб ласкова была, как ветерок. — Запел в роще соловей. Ванька думает: — И чтоб пела соловушкой».

Ванька спал не спал — наяву грезил. Да вдруг чу! Кто-то в горохах шевелится. Привстал Ванька, видит: мужик не мужик, старик не старик сидит и сладко чмокает.

Подкрался Ванька, петлю ремённую кинул, да и связал вора по рукам и ногам. Глядит Ванька: башка у вора рогатая, морда весёлая, глаза озорные, борода и усы травяные, брови моховые. А из рук и ног ветки с листьями растут.

«И впрямь Леший! — думает Ванька. — Нечаянно отец правду сказал».

— Ты зачем, Леший, горох ворует? — напустился Ванька на Лешего.

А Леший и говорит:

— Люблю я, Ванька, горох пуще ягоды малины, пуще чёрной смородины. Неужто тебе гороху жалко?

— А ты не воруй, — отвечает Ванька. — Попроси у людей честь по чести.

— Нельзя мне на люди показываться! — вскричал Леший. — Люди глупы, меня испугаются.

— И то правда, — согласился Ванька. — Испугаются.

— Ты меня, Ванюша, отпусти! — взмолился Леший. — А я тебе службу сослужу. Сказывай, какая у тебя забота.

— У меня одна забота. Мне жениться велят, а я не хочу, — отвечает Ванька.

— Отчего же ты, Ванюша, жениться не хочешь? — спрашивает Леший.

— Наши девки нехороши, — отвечает Ванька. — У одной коса тонка. Та сама толста. У этой нос курнос. У той под носом мокро.

— А какую тебе невесту надо? — спрашивает Леший.

Ванька и говорит:

— Чтоб светла была, как солнышко, голосиста, как соловушко. Глаза бы звёздами сияли, в косе месяц блестел. И чтоб ласкова была, как ветерок.

— Знаю такую девицу! — вскричал Леший. — Только ты меня развяжи и на волю отпусти! А то не скажу.

Ванька Лешего развязал, а Леший и говорит:

— У царя дочка есть. Светла, как солнышко. Голосиста, как соловушко. В косе месяц блестит. Глаза звёздами сияют. И ласкова, как ветерок. Ступай сватайся!

— Да ты что, Леший! Смеяться надо мной вздумал? — рассердился Ванька. — Где это видано, чтоб крестьянский сын царевну сватал!

А Леший и говорит;

— Видано не видано, а будет по-нашему! Только ты меня слушайся. Иди сейчас в столицу. Узнай, какая у царя забота. А как узнаешь, приходи ночью в лес, об пень постучи, меня покричи. Я тебя научу, чего дальше делать надо.

Ухватил Леший напоследок ещё гороху и убежал. А Ванька домой отправился. Дома у Ваньки с отцом-матерью разговор:

— Куда собрался?

— В столицу.

— Зачем?

— Жениться.

— Мало девок на деревне?

— Хочу на царевне!

Отец с матерью руками развели: «Ну и ну! Ну и Ванька!»

Пришёл Ванька в столицу. На площади толкался. Узнал, какая у царя забота. А ночью

в лес пошёл, о пенёк постучал, Лешего покричал.

И он тут как тут.

Ванька Лешему говорит:

— Вот какая у царя забота: надо ему с Идолищем воевать. Идолище поганое из-за моря ползёт и скот и людей грызёт. Обещает царь дочку выдать за того, кто Идолище одолеет. А взялся Идолище поганое одолеть воевода Подскокович. Ему и царевна достанется.

Леший хохотнул и говорит:

— Ну, это мы ещё поглядим, кто Идолище одолеет, кто на царевне женится! Входи, Ванюша, в избу.

Глянул Ванька: на месте пня — избушка. Вошли в избу. Там нет ничего, только пенёк да пенёк. Да гнилушки в углу светятся.

Усадил Леший Ваньку, поставил бочонок дубовый с ковшом берестяным и говорит:

— Испей, Ванюша, мёду богатырского.

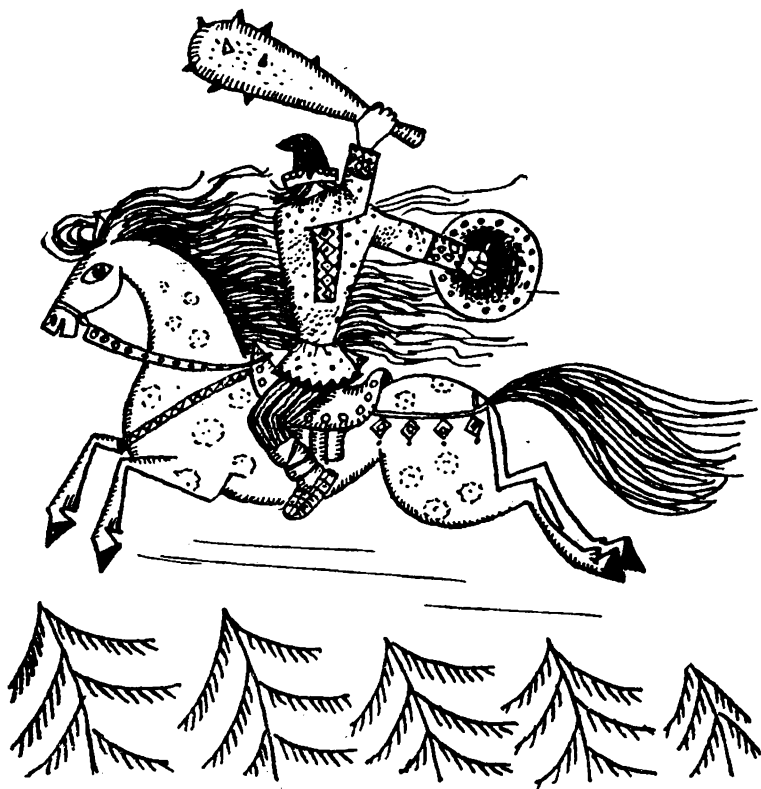
Нацедил Ванька ковш, выпил. Леший и говорит:

— Много ли, Ванюша, в себе силы почувствовал?

А Ванька такую вдруг силу в себе почувствовал, что сказал не соврал:

— Да если б палица была в пятьдесят пудов, я бы её выше дерева подкинул!

— Тогда испей ещё ковшичек, — сказал Леший.

Нацедил Ванька ещё ковшичек, выпил.

Леший опять его спрашивает:

— А теперь много ли силы в себе чувствуешь?

Ванька силу такую в себе почувствовал, что сказал не соврал:

— Если б палица в сто пудов, я бы её выше облака подкинул.

— Пожалуй, хватит, — сказал Леший. — Ступай за мной!

Вышли Ванька с Лешим наружу. Леший

свистнул раз — лежит палица в сто пудов. Свистнул два — стоит конь вороной. Свистнул в третий раз — в руках у Ваньки зеркальце.

— А зеркальце зачем? — удивился Ванька.

— Подари его царевне, — сказал Леший. — Зеркальце не простое, в него всё на свете видать. А теперь, Ванюша, скажи к воеводе, просись в поход. Да, вот на тебе моху горсть. Небось пригодится!

Ванька зеркальце за пазуху спрятал, поднял палицу в сто пудов и на коня вороного вскочил. Оглянулся Ванька — нет ни Лешего ни избы. Только тёмный лес стоит, где-то филин кричит.

В столице Ванька первым делом в царский сад забрался на царевну поглядеть, зеркальце ей подарить. Вот дождался он, вышла утром царевна погулять. Глядит Ванька: Леший правду сказал. Светла царевна, как солнышко, глаза звёздами сияют, блестит месяц под косой. Раcпеваает царевна соловушкой, а ласкова нет ли — откуда знать?

Не посмел Ванька с царевной заговорить. Подкинул зеркальце на тропиночку. И как только царевна зеркальце увидела, подняла — Ванька со всех ног из сада бежать, да на коня, да вскачь. Прямо на двор к воеводе, в поход проситься.

Воевода Подскокович войско собрал превеликое. Пешее и конное. Ваньке по его крестьянскому виду велел позади всех встать.

Вот шло войско и день и два, а на третий с Идолищем встретилось. Ползёт Идолище поганое. Позади хвост на семь вёрст тянет. Впереди семь голов несёт. Где лапой Идолище ступит — яма. Где брюхо проволочит — ров. Из ноздрей

пламя пышет. С алых языков горючей смолой слюни текут.

Не знает воевода, как к Идолищу поганому подступиться. Поставил конных воинов впереди, пеших сзади. Идолище на войско двигается, не боится. Поставил пеших впереди, конных позади. Идолище не страшится, надвигается. Того и гляди войску смерть.

Подползло Идолище близко, да как взревёт! От такого рёву неслыханного присели кони. Попадали пешие воины.

Тут Ванька поскорей моху в уши натолкал и вперёд выехал. Взревело Идолище поганое во второй раз. Затряслась земля, и покатилося войско кувыркком. А воевода Подскокович в страхе на берёзу подскочил и сидит там ни жив ни мёртв.

А Ваньке хоть бы что! Не слышать ему рёва Идолищева. Не страшится, не пугается конь вороной. Ванька Идолище кругом объехал, да и вскакал ему на хвост, а оттуда на спину. Да как хватил Идолище поганое по башке стопудовой палицей!

Сникла одна Идолищева голова. Угас огонь. Не валит из пасти дым. А Ванька стопудовой палицей ударил по другой, меж глаз — они и выкатились.

— Это кто-о меня-я та-ак? — взвыло Идолище.

— Это Иванище тебя так! — вскричал Ванька.

Да по башкам, по башкам, стопудовой палицей!

И так и сяк Идолище поганое головами ворочает, не может достать Ваньку со спины.

А когда от семи голов одна осталась, взревело Идолище:

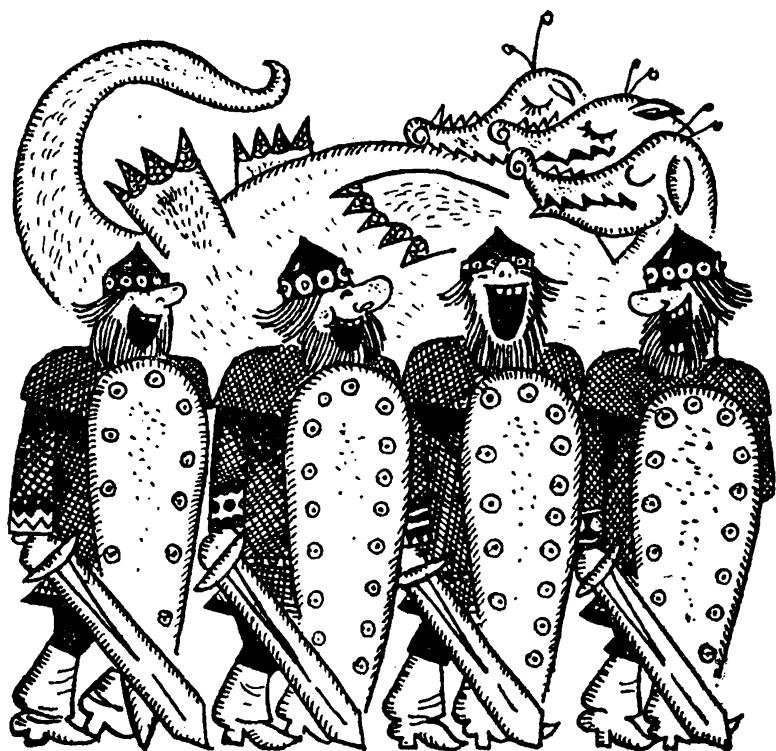
— Пощади меня, Иванище! Я вспать пойду!

— Ан нет же, Идолище поганое! — отвечал Ванька. — Сейчас ты вспать, а потом опять?

И ударил стопудовой палицей в последний раз. Тут из Идолища и дух вон.

Съехал Ванька с Идолища, воеводу спрашивает:

— Ты зачем, воевода, на берёзу влез?

— Поглядеть, не идёт ли ещё какой враг! — отвечает воевода Подскокович.

Спустился воевода, приказал Ваньке с коня слезть и на берёзу влезть. Да строго-настрого велел не слезать, пока смену не пришлют. А сам на Ванькиного коня вороного вскочил и к войску поскакал.

— Я один на один Идолище победил! — сказал воевода войску. — Кричите мне славу!

— Слава, слава воеводе Подскоковичу! — вскричало войско.

Издали-то не видно было, кто Идолище одолел, кто на берёзе сидел. А только того никто не знал, не ведал, что всё-то время смотрела царевна в зеркальце. И царю с боярами давала поглядеть. И все-то видели, как сражение с Идолищем семиглавым шло.

Однако от царя указ был к свадьбе готовиться. Да только жених не назван. Вот вышел царь с царицей и боярами на Красное крыльцо воеводу Подскоковича встречать. И лишь воевода коня у Красного крыльца остановил, обернулся конь вороной в козла рогатого, бородатого.

Что тут было народу, бояр, слуг и стражи — так все и обмерли. А как опаматовались — за животы схватились: «Ну и конь под воеводой!»

А воевода Подскокович, что и думать, не знает. От стыда и страха ни жив ни мёртв на козле сидит.

Царь сказал:

— За службу тебе, воевода, спасибо. А за плутню вот тебе моя воля: скачи на козле к берёзе. Вели Ивану-воину с берёзы слезть, а сам на берёзу влезь. И сиди там, пока не позову!

Делать нечего. Царя послушаться — головы лишиться. Поехал воевода Подскокович на коз-

ле. Козёл подпрыгивает, воевода на нём подскакивает. Все встречные-поперечные пальцами на него показывают, от козла носы отворачивают. Пока воевода доехал, все косточки порастряс. А уж сраму, сраму натерпелся — не избыть!

Под берёзой воевода с козла долой и кричит: — Скорей слезай, Ванька! Смена тебе пришла!

Слез Ванька и спрашивает:

— А где, воевода, мой конь?

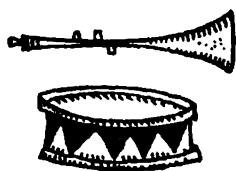
Тут козёл рогатый мигом в коня вороного обернулся. Ванька в седло — и вскачь. И через время короткое очутился в царском дворце. А там уж к свадьбе всё готово. Царевна ждёт его не дождётся, невестой убрана. Ванькины отец с матерью за столом сидят, на свадьбу званы.

Потом был пир на весь мир. Что мёду хмельного было выпито! Что гусей-лебедей жареных съедено!

У царей, известно, память короткая. За пиром да свадьбою забыл царь про воеводу. Да Ванька ему напомнил. По себе знал, каково на берёзе долго сидеть.

Когда Ванька сам царём стал — первым делом указ издал: мужикам горох не караулить и на потраву не жаловаться.

ПАУК МИЗГИРЬ

В углу лесном, под ракизовым кустом развесёлый жил народишко: мошки, букашки, таракашки, клопики, кузнечики, комарики.

Живут-поживают — каждый день праздник.

А на праздниках весело! Тараканы в барабаны бьют. Комарики на дудках играют. Кузнечики на скрипках пиликают. Кто тенькает, кто бренькает. Одни играют на гусельках, другие поют песенки. И все пляшут-прыгают!

Бум-бум!

Ду-ду-ду!

Тили-тили!

Трень-брень! Трень-брень!

А сами все нарядные. Усатые тараканы в рыжих кафтанах. Голенастые кузнечики в зелёных чулках, жучки в камзолах синеньких, клопы в рубашках пёстреньких. А проворные мухи в кофточках с пятнышками.

Возня-суета! Беготня и танцы!

А надо всеми мошкара толпится, подойти совестится — ещё молоденькая.

Вдруг откуда ни возмись — паук Мизгирь.

Прибежал на шести ногах мохнатых. А в глазах — зима!

Закричал паук страшным голосом:

— Кончай праздновать! Будут похороны!
Испугался народишко. Разбежались все.
И попрятались.

В траву.
Под лист.
В щель.
Под корень.
В нору.
Под кору.
Нет никого!

А Мизгирь, паук, взобрался на сук. Принялся сеть плести. Он плетёт свою сеть и приговаривает:

— Кого поймаю, тому будут похороны.

Доплёл паук свою сеть. Ноги длинные, мохнатые поджал. И за сеть спрятался.

А народишко весёлый жить не может без праздника.

Из-под щелей, из-под корней все вылезли. Из травы, из-под листьев выглянули.

Видят: нет паука Мизгиря. Убежал куда-то!

Осмелели все, обрадовались. И затеяли праздник по этому случаю.

Тараканы в барабаны ударили.

Комарики задудели.

Кузнечики пиликают, от радости подпрыгивают.

Прибежали муравьи, прилетели мухи.

Опять танцы с музыкой — весёлая кутерьма.

Бум-бум!

Ду-ду-ду!

Тили-тили!

Трень-брень! Трень-брень!

Вдруг клоп ножкой топ! И стоп! Ни туда ни сюда. В сеть попался!

Тут Мизгирь из-за сети выбежал. Да как крикнет страшным голосом:

— Будут, будут похороны!

Испугался народишко. Опять разбежались кто куда.

И попрятались.

Паук клопа — цап! А сам думает: «Одного клопа мало мне». И говорит:

— Отпущу тебя на волю, а ты зови сюда народишко. Будто на свои похороны.

Согласился клоп. Обещал пойти позвать на-
родишко.

Пошёл клоп по всем местам. В щелях клопов
нашёл. Говорит им:

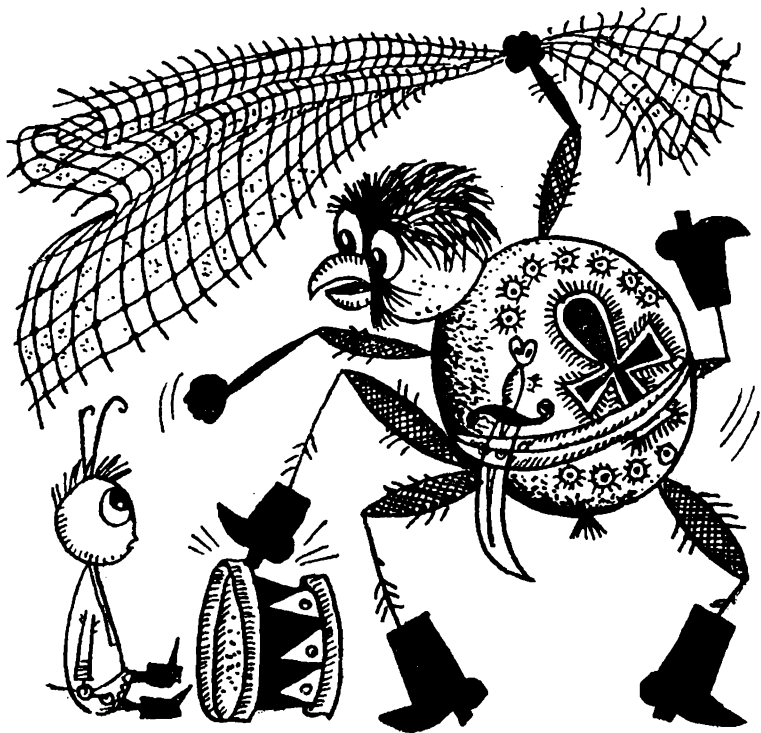
— Идут муравьи к пауку Мизгирю, будто на
мои похороны. А сами все с ружьями.

— И мы пойдём! — вскричали клопы.

Схватили дубинки и пошли.

Приполз клоп к муравьям. Говорит им:

— Идут клопы к Мизгирю с дубинками.

— И мы пойдём! — вскричали муравьи.

Взяли ружья и пошли.

Под корой древесной клоп тараканов встретил. Говорит им:

— К пауку Мизгирю идут клопы с дубинками и муравьи с ружьями.

— И мы пойдём! — вскричали тараканы.

Схватились за сабли и пошли.

Из-под листьев клоп комариков позвал. И говорит им:

— Идут к Мизгирю муравьи, тараканы и клопы. С ружьями, саблями и дубинками.

— И мы пойдём! — вскричали комары.

Взяли копыя и пошли-полетели.

Отыскал клоп кузнечиков в траве. И говорит им:

— Идёт народ к пауку Мизгирю. С ружьями, саблями, копыями, дубинками.

— И мы пойдём! — подпрыгнули кузнечики.

Опоясались кинжалами и пошли-поскакали.

Узнала про это мошкара. Набрала камней за пазуху и тучей полетела за всеми вслед.

Припустил клоп к Мизгирю бегом. Прибежал и говорит:

— Я позвал тебе народишко!

Посмотрел паук вокруг и видит: идут на него клопы-дубинники, муравьи-стрелки, тараканы-сабельники, комары-копейщики, кузнечики кинжалами опоясаны. Жуки пушки везут, мухи ядра несут. А надо всеми туча мошкеры с камнями!

Задрожал Мизгирь от ужаса. Не до клопа пауку, не до похорон.

Ружья бахнули! Пушки ахнули!

— Ура! — вскричало войско и храбро кинулось вперёд.

Да как принялись клопы Мизгиря дубинками бить! Тараканы саблями рубить! Комары копыями колоть! Кузнечики кинжалами пугать! Мош-кара камнями закидывать!

Победило войско и прогнало прочь паука Мизгиря.

А сеть паучью в Казань потом отвезли. В Казани сеть на плахе иссекли и плаху раскололи.

Пускай знают пауки: не любит народишко похороны, а любит весёлые праздники!

Бум-бум!

Ду-ду-ду!

Тили-тили!

Трень-брень! Трень-брень!

ВОЛК И СОБАКА

Как-то встретились собака с волком и разговорились.

— Как живёшь, Серый? — спросила собака.

— Голодно живу, — ответил волк. — А в стае у нас всё грызня да свары. А ты как, Барбос, поживаешь?

— Мне у людей хорошо живётся, — сказал Барбос. — Поесть дают и в избу пускают. Иной раз и песни поём с хозяином.

— Вот это да! — позавидовал Серый. — Да за что же тебя люди балуют?

— За службу. Я и дом сторожу, и стадо караулю.

— Эх, мне бы так пожить! Никого бы я к стаду не подпустил. Никому бы к избе близко подойти не дал.

— А ты попробуй! Может, и тебя люди на службу примут, — посоветовал Барбос.

— Возьми меня в товарищи! — сказал Серый. — Только я тайком у людей поживу. Сначала приглядеться надо.

— Ладно! — сказал Барбос. — Айда со мной.

Прибежали они в избу. Хозяев дома не было.

Барбос и Серый забрались под лавку. Лежат.

Вот пришли с поля хозяева. Усталые, довольные. Хозяйка стала из печи еду доставать. Хозяин за стол сел и песню тихонько запел.

Волк послушал, послушал да как из-под лавки завоет!

— А, чтоб тебя, Барбос! — рассердился хозяин и, не глядя, пинка под лавку.

Попало Барбосу по лбу, да он смолчал.

Вот достала хозяйка из печки гуся жареного. И только поставила на стол — волк из-под стола скок! Гуся в зубы хап! Сам в окно — и был таков.

Хозяева только ахнули: «Ах! Да ведь это волк!»

А потом закричали:

— Где Барбос? Сюда, Барбос! Как ты смел волка в избу пустить?

И досталось тут Барбосу и по лбу, и по бокам.

На другой день волк опять прибежал. Накинулся Барбос на Серого и ну его бранить:

— Ты зачем из-под лавки выл?

— Ты сам говорил, что песни поёшь с хозяином, — сказал волк.

— Так не выть надо, а подвывать только! А гуся целого зачем уволок?

— Каюсь, брат! Это обычай волчий, — признался Серый. — Прости на первый раз!

Барбос волка простил на первый раз. И сказал ему:

— Полезай в мою конуру. Оттуда поглядывай — дом сторожи. А я пойду соседских собак проведу.

— Ладно, — сказал Серый.

Барбос убежал. Волк забрался в собачью конуру и оттуда поглядывает.

А хозяева в тот раз гостей ждали. Как увидели они, что приехали, скорее ворота настежь.

— Милости просим!

И только гости на крыльцо — волк из конуры выскочил, клыки выставил да как зарычит!

— Р-р-р-ры!

Бросился Серый гостей рвать. Только клочья полетели от штанов и юбок.

— Волк! Волк! — закричали гости и со всех ног бежать со двора.

А хозяин схватил кол — и на волка. Тогда Серый — за ворота и в лес.

На шум Барбос прибежал. Тут за него и взялись хозяева.

— Где собак гонял? Почему дом не сторожил? Опять к нам волк забрался!

Досталось Барбосу больше прежнего. И по лбу, и по бокам.

А Серый опять прибежал к Барбосу и говорит:

— Прости, брат. Опять неладно у меня вышло!

Барбос волка выбранил:

— Лобастый дурень! Башкой бы подумал: гости — люди не чужие! Зачем было на них кидаться?

Но Серый его упросил. И прощение получил во второй раз.

А на другое утро хозяин с Барбосом овец на луг пригнали. Велел хозяин Барбосу стадо караулить, а сам ушёл.

Тогда Серый к Барбосу подбежал и говорит:

— Дай мне овец покараулить. Волков я знаю. А в гости к овцам никто не ходит.

— Ладно, — сказал Барбос. — Карауль. А я в деревню сбегая собак проведу.

И убежал.

Прилег волк под куст. На овец поглядывает. А сам думает: «Надо их пересчитать. Может, лишняя есть. Лишнюю надо съесть».

Пошёл в стадо. Считал, считал — двадцать одну насчитал.

— Так я и знал! Одна лишняя, — сказал волк.

Схватил овцу — и под куст. Да и живо с ней расправился. Съел. И только он косточки обглодал — волчья стая тут как тут. Рёбра под шкурой ходуном ходят. Пасти голодные разинуты.

— Смотрите, сколько овец у нашего Серого! — вскричали волки. — Ну, сейчас по овце на спину — и в лес!

— Нельзя! — сказал Серый. — У меня ровный счёт.

— Убирр-райся, Сер-рый! — закричали на него волки. — Мы и сами так считать умеем!

Волк кинулся на них — один на семерых! Только шерсть клочьями полетела.

Волки удрали, но Серому обещали:

— Мы тебе припомним!

Вот Барбос из деревни вернулся. Серый ему хвалится:

— Я со стаяй дрался! Видишь, кругом шерсть на земле.

— Вижу, — сказал Барбос. — Шерсть волчья, а косточки под кустом чьи?

— Овечьи, — признался Серый. — Одна овца была лишняя.

Тут Барбос воем взвыл.

— Ну и попадёт мне теперь от хозяина! И по лбу, и по бокам! И против шерсти! Ступай, Серый, прочь!

И прогнал волка навсегда.

Серый в стаю побежал. Там его проучили за службу. А Барбоса хозяин — за дружбу.

С тех пор где ни встретятся собака с волком — без разговоров в драку!

ЗОРЬКА, ВЕЧОРКА, ПОЛУНОЧКА — БОГАТЫРИ

В одном царстве-государстве жил-был царь-государь. И было у него три дочери, друг на дружку похожие, как три ягодки.

Ни царь, ни даже мамки с няньками отличить их друг от друга не могли. И, чтобы не было путаницы, приказал царь дочерям носить на пальчике по колечку.

Одна носила колечко медное, другая — серебряное, третья — золотое. Царь любил каждую дочь одинаково, всех вместе — без меры, без памяти. А чтобы с ними какой беды не случилось, держал царевен в потайных комнатах, за семью замками, у всех дверей стража. И нигде отроду царевны не бывали, света белого не видели.

Вот как-то раз приступили царевны к отцу в три голоса, залились слезами в три ручья: «Отпусти, государь-батюшка, нас хоть в сад погулять».

Царь на слёзные уговоры сдался — отпустил дочек на время короткое в сад погулять. Выбежали сёстры в сад и от радости обмерли, не зная, на что глядеть, что ухватить.

Увидали цветочки лазоревые, кричат:

— Ах, диво дивное!

И ну в охапки цветы собирать!
Подбежали к яблоньке, кричат:
— Ах, чудо чудное!

И ну яблоньку трясти, собирать яблоки!

Целый день царевны резвились, всему дивились, а как стал день к вечеру клониться, повели их мамки с няньками домой. И только они на крылечко — вдруг раздался гром. Покатило, завертело, налетел Чёрный Вихрь, положил деревья плашмя, мамок-няnek раскидал. А царевен подхватил высоко-высоко! И умчал далеко-далеко! Неведомо куда.

Царь день горевал, два тосковал, а на третий объявил князьям и боярам: «Кто царевен найдёт, из беды вызволит, тому в жёны их отдам и всё царство поделю натрое».

Поскакали князья и бояре во все стороны царевен искать. Всё царство и вдоль и поперёк объездили — не нашли. С тем и к царю вернулись.

Тогда царь повелел клич кликнуть: «Не возьмётся ли кто из простых людей царевен отыскать, из беды вызволить?»

А в то время жила в одной деревеньке бедная вдова. И было у неё три сына — могучих богатыря. Все они родились в одну ночь: старший с вечера, средний в полночь, а меньший на ранней утренней заре. И называли их потому Вечорка, Полуночка, Зорька.

Как прослышали они царёв клич, отправились в столицу. И матушку с собой взяли.

Вот пришли они к царю и говорят:

— Мы царевен пойдём искать, а ты, государь, нашу матушку к себе возьми. Одну её на беду-нужду мы не оставим.

Царь ответил:

— Будь по-вашему. А чем вас на дорогу ещё пожаловать?

— А ещё нам надобны кони по нраву и оружие по силе-сноровке.

— Будь по-вашему, — отвечал царь. — Возьмите коней из моих табунов, из моих кладовых оружие, какое кому по силе-сноровке.

Выбрал Вечорка из царских табунов коня серого, Полуночка — вороного со звездой во лбу. Зорька выбрал коня белого с гривой до земли.

Взял Вечорка из царских кладовых острый меч, Полуночка — тяжёлую палицу, Зорька — тугой лук с калёными стрелами.

Потом обнялись братья с матушкой, поклонились царю и отправились в путь-дорогу, царевен отыскивать.

И своё государство обширное проехали богатыри из конца в конец, и другие многие королевства из края в край. И везде добрых людей спрашивали:

— Не промчался ль тут Чёрный Вихрь? Не проносил ли трёх царевен с собой?

В одних местах отвечали им:

— Промчался Вихрь, поломал сады, загубил хлеба, а царевен с ним не было.

В других местах жаловались:

— Пронёсся Вихрь, разметал стога, разогнал стада, а царевен с ним не видали.

В иных царствах люди плакались:

— Пролетел Вихрь, кораблей потопил бессчётно. А царевен, однако ж, с ним не было.

Едут, едут Вечорка, Полуночка, Зорька. На все стороны поглядывают. Вот проехали они степь широкую и лес дремучий, увидали возле речки избушку.

— А не пора ли нам, братцы, отдохнуть? — сказал Вечорка.

И пот со лба руками утёр.

— А не пора ли и выспаться? — сказал Полуночка.

И в рукав зевнул.

— Самый раз, братцы, выкупаться! — сказал Зорька.

И сладко в седле потянулся.

Сошли братья-богатыри с коней. Вошли в избушку. Там нет никого. Стали сами хозяева и дали себе сроку три дня отдыхать.

В первый день младший брат, Зорька, говорит среднему, Полуночке:

— Ты брат, оставайся дома, а мы вдвоём пойдём на охоту.

Так и сделали.

Вечорка с Зорькой на охоту ушли, а Полуночка завалился спать. Да не успел Полуночка первый сон досмотреть, как вдруг застучало, загремело, отворилась дверь, и вошёл старичок. Сам с ноготок, борода с локоток.

Глянул старичок на Полуночку, закричал сердито:

— Как ты смел в моём доме хозяйничать! Как посмел на моей лавке спать!

Отвечал ему Полуночка:

— Ты прежде вырасти, а то тебя от земли не видать.

— Я мал, да удал! — вскричал старичок с ноготок, борода с локоток.

И прыг на стол.

— Экий удалец-молодец выискался! — стал смеяться над ним Полуночка. — Если бы щи были, я бы тебя во щах утопил. Если б каша была — с кашей съел!

А старичок с ноготок прыг Полуночке на голову, да как хватит кулачком в темя! Богатырь — с лавки на пол и лежит без памяти.

Очнулся Полуночка, глядит: нет старичка. А у самого голова болит, раскалывается. «Старичок с ноготок не во сне мне приснился», — рассудил Полуночка.

Пришли с охоты Зорька с Вечоркой, видят: Полуночка всё за голову держится.

— Ты что, брат, за голову держишься? — спрашивают они.

Полуночка правду сказать стыдится, отвечает:

— Заспался я, братцы. Оттого, наверно, голова болит.

На другой день Полуночка с Зорькой на охоту пошли, а Вечорку дома оставили, обед варить. Зорька в лесу стрелы пускал, Полуночка дичь подбирал. А Вечорка тем временем в избушке хозяйничал: печь истопил, мясо сварил. И завалился спать.

Не успел Вечорка второй сон досмотреть, как вдруг застучало, загремело, отворилась дверь, и вошёл старичок. Сам с ноготок, борода с локоток.

Глянул старичок на Вечорку, закричал сердито:

— Как ты смел в моём доме хозяйничать! Как посмел на моей лавке спать!

Отвечает ему Вечорка:

— Прежде вырасти, а то тебя от земли не видать.

— Я мал, да удал! — вскричал старичок с ноготок, борода с локоток.

И прыг на стол.

— Смотри, какой удалец нашёлся! — стал

Вечорка над ним потешаться. — Вот потяну носом — втяну в ноздрю, а чихну — тебя ветром сдует!

Старичок с ноготок прыг Вечорке на голову да как хватит кулачком в темя! Богатырь — с лавки на пол и лежит без памяти.

Очнулся Вечорка, глядит: нет старичка. «Вот отчего у Полуночки голова болела», — смекнул Вечорка.

Когда братья с охоты вернулись, глядят: у Вечорки голова тряпицей повязана.

— Ты что, брат, голову обвязал? — спрашивают они.

А Вечорка тоже правду сказать стыдится, отвечает:

— Эх, братцы, топил я печку, да, зная, от великого жару разболелась у меня головушка. Давайте завтра мы с Полуночкой пойдём на реку рыбу ловить, а Зорька пусть дома останется.

Назавтра отправились Вечорка с Полуночкой рыбу ловить; а Зорька тесто завёл, печь истопил, пирогов напёк на сегодня и впрок. Скоро ведь опять в поход пускаться — царевен искать.

И только Зорька управился, как вдруг загремело, застучало, отворилась дверь, и вошёл старичок с ноготок, борода с локоток.

Глянул старичок на Зорьку и закричал сердито:

— Как ты смел в моём доме хозяйничать!

Зорька ему говорит:

— Прости, дедушка великан, что я без спросу у тебя в избе хозяйничал. Кабы знал, позволения у тебя спросил.

Старичок с ноготок на стол вскочил и кричит:

— Ты смеёшься или правду говоришь?

Зорька ему отвечает:

— Не до смеху мне, дедушка великан. Ты меня, если вздумаешь, в муку сотрёшь, в пирог запечёшь. Вон ты какой сильный!

А старичок с ноготок опять кричит:

— Ты смеёшься надо мной или правду говоришь?

Зорька отвечает ему:

— Не до смеху мне, дедушка великан, как бы и у меня головушка не разболелась.

Тут старичок с ноготок весело глянул, бороду погладил и говорит:

— А ты, видать, догадливый! Сказывай, куда с братьями путь держите?

Зорька и говорит ему:

— Наших царевен Чёрный Вихрь утащил. Едем их вызволять, да не знаем, где искать.

— Ладно! Я тебя научу, где царевен искать, — сказал старичок с ноготок и спросил: — Ты стрелой в муху попадёшь?

— Попаду, — отвечает Зорька.

Старичок тогда и говорит:

— Поезжай с братьями на восток. Да глядите во все глаза. Увидите в небе коршуна. Он Чёрному Вихрю служит, добро его сверху сторожит. Вихрь ему за это три жизни дал. Станет коршун над вами кружить. Ты ударь в него стрелой. Обернётся коршун вороном. Ударь стрелой в ворона. Обернётся ворон мухой. Ударь стрелой в муху. Где муха упадёт, там будет яма, а из ямы в три неведомых царства ход. В тех неведомых царствах три чудища живут. Они Чёрному Вихрю служат — добро его снизу сторожат. У них по одной жизни только. Если чудищ одолеете — царевен вызволите, а не одолеете — сами там навеки останетесь.

И только старичок с ноготок, борода с локоток эти слова договорил — мигом скрылся, как в щель провалился.

Дождлся Зорька братьев и смеётся:

— Знаю теперь, отчего у вас головушки болели!

И рассказал им, о чём старичок с ноготок ему поведал.

На другой день чуть свет оседлали богатыри коней и поехали на восток.

Вот едут они и день и два. Устали на небо глядеть. Да вдруг увидели: тень чёрная по земле перед ними бежит. Подняли головы — коршун в небе над ними кружит.

Натянул Зорька тугой лук, пустил стрелу в коршуна. Она в коршуна ударила — обернулся коршун вороном. Ударил Зорька стрелой в ворона — обернулся ворон мухой. Ударил Зорька стрелой в муху — раздался гром. Где муха упала, разверзлась земля ямой. Спустились братья в яму.

Много ли, мало ли прошли братья под землёй — они не считали, не меряли, а только вдруг очутились в царстве неведомом.

Осмотрелись, пригляделись богатыри. Видят: куда ни ступи, за что ни возмись — всё из меди. Трава медная не колышется. Земля медная под ногой гудит.

— Экое, братцы, богатство! — сказал Вечорка. — Сколь изо всего этого медных пятаков наделать можно!

Только у братьев на душе невесело. Не слышать тут птичьего пения, не доносится ничьего дыхания. Не видать ни одной живой души. Небо тяжёлое, медное, а в нём солнце медное тускло светится.

Вот попались им на пути мужики-косари. Подошли — а они медные! Стоят медные мужики с медными косами на отлёт и не шевелятся.

Потом повстречали детишек с лукошками. Детишки застыли медные. В медных лукошках у них — медные ягоды.

Затосковали братья-богатыри в медном царстве. Так и пошли бы отсюда прочь, да нельзя: надо царевен сначала вызволить.

Вот увидели они медный шалаш и только хотели к нему подойти, вдруг откуда ни возьмись — перед ними чудище: змей не змей, зверь не зверь. На змеиной голове рога звериные. Из пасти дым с огнём валит. Глазища горят пожарищем. Хвост добела калёный вьётся кольцами, сыплет искрами.

— Ну, хоть этот живой! — обрадовались братья. — Отдай, чудище, царевен или биться будем! — закричали они чудищу.

— Со-ожгу-у-у! — загудело, завывало чудище. И на богатырей двинулось.

Шагнули братья ему навстречу. Зорька лук тугой натянул — ударил стрелами в глаза чудищу. Угасло в глазах пожарище. Вечорка острым мечом махнул — отрубил рога звериные. А Полуночка тяжёлой палицей разбил голову змеиную. В последний раз огнём пыхнуло чудище — и нет его. Лишь кострище на том месте тлеет. А царство медное живым лугом обернулось. Мужики-косари живёхоньки. Машут косами быстрёхонько. Зелёную травушку косят. И ребятишки бегут, смеются. В лукошках у них земляника.

А из шалаша травяного царевна идёт, только-только ото сна. У неё на пальчике колечко медное.

Царевна богатырей спрашивает:

— А где мои сёстры?

Зорька и говорит:

— Ты, царевна, нас здесь подожди. А мы пойдём за твоими сёстрами.

Послушалась царевна, ушла в шалаш. А Зорька, Вечорка и Полуночка дальше отправились.

Много ли, мало ли они прошли — очутились вдруг в царстве серебряном: куда ни ступи, что ни возьми — всё из серебра.

Трава серебряная не колышется. Земля серебряная под ногой звенит.

— Экое, братцы, богатство! — воскликнул Полуночка. — Сколь из всего этого серебряных рублей наделать можно!

Только у братьев на душе невесело. Не слышать тут птичьего пения, не доносится ничего дыхания. Не видать ни одной живой души. В небе холодном солнце серебряное мертво светится.

Вот попало им на пути озеро. Подошли — а оно серебряное.

Застыла в серебряном озере ладья серебряная. В ней рыбаки серебряные будто сети вытягивают, а сами не шевелятся. На берегу ребяташки застыли серебряные. Будто брызжутся они водой, а брызги серебряные над ними висят, не падают.

Затосковали братья-богатыри в серебряном царстве. Так и пустились бы отсюда прочь, да нельзя: надо царевен сначала вызволить. Вот увидели они домик серебряный. И только хотели подойти, вдруг откуда ни возмись — чудище! Зверь не зверь, рыба не рыба. Пасть звериная,

глаза рыбы. Лапы звериные, хвост рыбий. И всё брюхо в костяной чешуе.

— Ну, хоть этот живой! — обрадовались богатыри.

— Отдай царевну, чудище, или биться будем! — закричали они чудищу.

— Сожру-у-у! — завыло, загудело чудище.

И на богатырей двинулось. Шагнули братья ему навстречу. Зорька лук тугой натянул — ударил стрелой в рыбий глаз чудища.

Вечорка острым мечом махнул — рассёк брюхо в костяной чешуе.

Полуночка тяжёлой палицей хватил по звериной пасти.

Шевельнулось чудище в последний раз — и нет его. Только грудa костяной чешуи на том месте лежит.

А царство серебряное живым, озёрным обернулось. Мужики-рыбаки живёхоньки. Тянут сеть в ладью быстрёхонько.

Ребятишки возле бережка плещутся, брызги над ними летят.

А из домика царевна идёт, только-только ото сна. У неё на пальчике колечко серебряное.

Царевна богатырей спрашивает:

— А где мои сёстры?

Зорька ей и говорит:

— Ты, царевна, нас здесь подожди. Скоро ты со своими сёстрами свидишься.

Послушалась царевна, ушла в дом. А Зорька, Вечорка и Полуночка дальше отправились.

Ни много ни мало они прошли и очутились в царстве золотом: куда ни ступи, что ни возьми — всё из золота. Золотая трава не колыхается. Золотая земля под ногой звенит.

— Экое, братцы, богатство! — вскричали Ве-

чорка с Полуночкой. — Сколь изo всего этого золотых монет наделать можно!

Только у братьев на душе невесело. Не слышать тут птичьего пения, не доносится ничьего дыхания. Не видать ни одной живой души. А с жёлтого неба рыжее солнце недобро глядит.

Вот попались им на пути мужики-лесорубы. Подошли — а они золотые. Стоят с топорами золотыми на отлёт и не шевелятся.

Потом повстречали детишек с лукошками. Детишки стылые, золотые. А в золотых лукошках у них золотые грибы.

Затосковали братья-богатыри в золотом царстве. Так и бросились бы отсюда, да нельзя: надо третью царевну вызволить.

Вот увидели они золотую избушку под золотым дубом. И только хотели к ней подойти, вдруг откуда ни возьмись — перед ними чудище! Змей не змей, зверь не зверь. И рыба не рыба, и птица не птица, а всё сразу тут: голова змеиная, пасть звериная. Глаза птичьи, хвост рыбий. На задних лапах чудища когтища, на передних — копытища. А по бокам туловища костяные крылья.

— Ну, хоть этот живой! — обрадовались братья. — Отдай царевну или биться будем! — закричали они чудищу.

— Проглочу-у-у! — загудело, завывало чудище.

Шагнули братья ему навстречу. Зорька лук тугой натянул — пустил стрелу в птичий глаз чудища.

Вечорка острым мечом махнул — отсёк костяные крылья.

Полуночка тяжёлой палицей ударил в голову.

Упало чудище — и нет его. Только куча кожи на том месте смердит.

А царство стылое, золотое живым, лесным обернулось.

Мужики-лесорубы живёхоньки. Топорами машут быстрёхонько — зелёные дубы рубят. Детишки бегут с лукошками. В лукошках у них грузди!

А от избушки царевна идёт, только-только ото сна. У неё на пальчике колечко золотое.

Царевна богатырей спрашивает:

— А где мои сёстры?

Зорька ей и говорит:

— Ступай, царевна, с нами. Тебя сёстры ждут, и батюшка ждёт не дожждётся.

Обрадовалась царевна, лесное царство скатала в яичко и пошла с богатырями. Да ходить подолгу она не умела. Зорька взял её на руки.

Вот зашли за царевной с колечком серебряным, потом за царевной с колечком медным. Они царства луговое с озёрным скатали в яички и с собой взяли.

Прошло времени ни много ни мало — выбрались богатыри с царевнами из ямы на белый свет. А там их кони ждут, землю копытами бьют. Серый — Вечоркин. Вороной — Полуночкин. Белый — Зорьки, богатыря.

Сели братья на коней, сестёр-царевен подхватили: Вечорка — царевну с медным колечком на пальчике, Полуночка — царевну с колечком серебряным. Зорьке досталась с колечком золотым.

И как ни долго они ехали, а домой в своё царство приехали.

Царь увидел дочерей — чуть от радости не помер. Тотчас к свадьбе приказал готовиться. А братьям-богатырям велел в жёны выбрать из сестёр кому какая понравится. Да вот задача: как из них выбирать, если они друг на дружку похожи, будто три ягодки?

А царевны были с лукавинкой. Руки за спины поскорей спрятали и стоят посмеиваются: выбирайте, мол, как знаете. Ну, да матушка сыновей выручила. Она стала позади одной царевны и украдкой пятак медный показала. За другой показала рубль серебряный. А за третьей — золотую монетку.

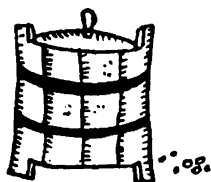
Тут братья-богатыри и смекнули, какое у ко-

торой колечко на пальчике. Каждый выбрал ту, которую на руках нёс да в седле вёз. Они друг дружке ещё в пути приглянулись.

После свадьбы не пришлось царю делить своё царство на три. Раскатали царевны три царства из яичек — луговое, озёрное и лесное. В них и стали богатыри с царевнами жить-поживать, а матушка с царём в гости к ним наезжать.

Кто в тех царствах бывал, тот видал: тамошний народ всё нет-нет да на небо поглядывает. Вихря Чёрного в гости боится.

ЧЕСТНАЯ ЛИСА

Жили волк и лиса, друг другу не чужие. Лиса волку — кума, волк лисе — кум. И домишки у них рядышком стояли. У волка лубяной, а у лисоньки ледяной.

Но вот пришла весна — и растаял у лисы дом, вымок у лисы хвост. Побежала лиса к волку. Стучится в дверь.

— Куманёк! Куманёк!

— Что тебе, кума? — спрашивает волк.

— Мой дом растаял! Пусти к себе пожить, хвост обсушить, — сказала лиса.

— Я бы пустил, да больно ты, кума, воровата, — ответил волк.

— Ах! Ах! Куманёк! — запричитала лиса. — Не возводи напраслины. Я лиса честная! Меня все знают.

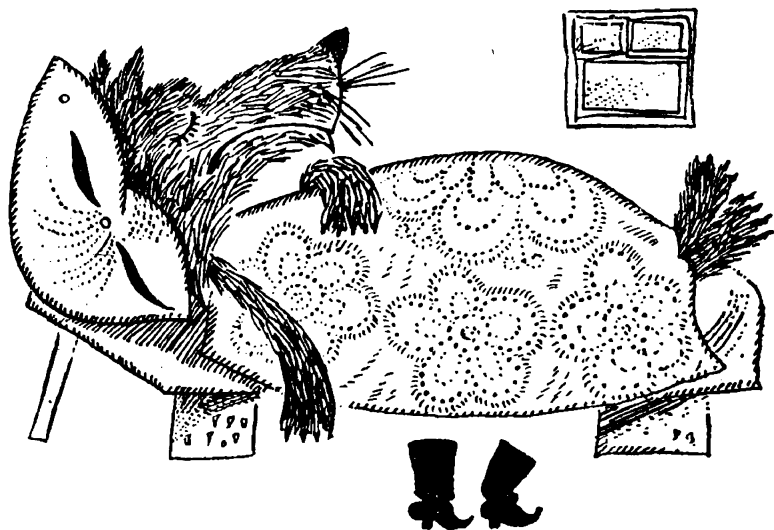
Впустил волк лису в дом. Обсушила лисонька хвост и спать на лавку легла. А волку сказала:

— Если меня кликать будут, ты меня разбуди.

— Ладно! — сказал волк.

И тоже спать завалился.

Прошло немного времени, лиса ногой об стену — стук, стук!

И голосом петушиным зовёт:

— Патрике-е-евна!

Волк проснулся и говорит:

— Эй, кума! Тебя кличут.

И опять уснул.

А лиса за печку скок! В кладовку прыг! Давно лисанька учуяла: в доме салом пахнет! Нашла лиса бочку с салом и кусок за куском есть начала. А потом нарочно дверью хлоп! Будто с улицы вернулась.

Волк услышал и спрашивает:

— Где, кума, была? Чего делала?

— Петька-петух за мной приходил. У курочки Рябой цыплёночек из яичка вылупился. Как назвать его, не знали, меня позвали, — сказала лиса.

— Какое ты имя ему придумала? — спросил волк.

— Начаточек, — ответила лиса.

— Нёнлохо, — похвалил волк лису.

Ещё немного времени прошло. Опять лисоньке захотелось сала. Она в стенку ногой стук, стук! И по-овечьи проблеяла:

— Па-атрике-евна-а!

Волк проснулся и говорит:

— Эй, кума! Тебя кличут!

А сам опять уснул.

Лиса за печку скок! В кладовку прыг! И снова принялась за сало.

Ела, ела, пока от всего только половина осталась. Потом дверной скобой бряк! Будто с улицы пришла.

Волк проснулся и спрашивает:

— Куда, кума, ходила? Чего делала?

— Баран за мной приходил. У овечки Ярочки ягнёночек родился. А как назвать, не знали, меня позвали, — сказала лиса.

— Какое ты имя ягнёнку придумала? — спросил волк.

— Половиночка! — ответила лиса.

— Неплохо! — похвалил волк лису.

И опять уснул.

А под утро снова захотелось лисоньке сала. Она ногой в стенку стук, стук! И ну мычать:

— Му-у, Патрикеевну-у! Му-у, Патрикеевну-у!

Волк проснулся и говорит:

— Эй, кума! Тебя кличут!

И уснул.

Лиса за печку скок! В кладовку прыг! Уж она ела, ела! Пока всё сало не съела. Даже с донышка в бочке соскребла.

Едва до места лиса доползла — и бух на лавку.

Волк услышал и спрашивает:

— Куда, кума, бегала? Чего, кума, делала?

А лисонька объелась — чуть дышит, бедная. Через силу волку отвечает:

— Ох, устала, куманёк! Ох, умаялась! Приходил за мной бык. У коровушки Бурёнушки телёночек родился. Я ему имечко придумывала.

— А какое ты имя телёнку придумала? — спросил волк.

— Поскрёбышек! — ответила лиса.

— Неплохо! — похвалил волк лису.

И опять уснул.

А утром волк как увидел, что в бочке пусто, сразу напустился на лису:

— Эй, кума! Куда сало девалось? Ты съела?

— Ах, ах! Куманёк, — запричитала лиса, — не возводи напраслины. Вспомни: меня Петька-петух звал? Звал. Я цыплёночка Початочком назвала? Назвала. Ты меня похвалил?

— Похвалил, — согласился волк.

— Потом меня баран звал? Звал. Ягнёночка Половиночкой я назвала? Назвала. Ты меня похвалил?

— Похвалил, — согласился волк.

— Бык меня потом звал? Звал. Я телёночка Поскрёбышем назвала? Назвала. Ты меня похвалил?

— Похвалил, — согласился волк.

— А теперь сам посуди: когда мне было за всеми делами ещё и воровать? — сказала лиса.

Но волк опять за своё:

— Куда сало девалось?

— Знать ничего не знаю и ведать не ведаю! — сказала лиса и вон из дома пошла.

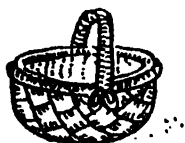
А в дверях обернулась, хвост на плечо вскинула и гордо волку молвила:

— Не возводи, кум, на меня напраслины! Я лиса честная! Меня все знают!

Волк даже рот открыл и закрыть забыл.

Так ни с чем и остался.

ЛИСА И ДЯТЕЛ

Жил-поживал дятел на зелёном дубу.

С дерева на дерево летал, никакой заботы не знал, пока птенчики у него не появились. А как вывелись птенцы-сорванцы, не стало у дятла покоя. То один пищит-верещит, из гнезда просится. То двое не ладили, ни унять, ни помирить их.

Вот услышала лиса их возню да писк — и тут как тут. Кричит дятлу снизу:

— Эй, дятел! Ты с ума спятил? Детей своих ничему не учишь. Вон как разбаловались!

Глянул дятел сверху глазом одним, глянул другим. А лиса хвост пушистый ковриком раскинула и говорит:

— Брось мне одного птенчика. Я его ремеслу выучу.

— Какому ремеслу выучишь?

— Портновскому! Будет шубы и шапки зверью шить. На весь лес прославится! — пообещала лиса.

— А ты портновское ремесло знаешь? — сначала не поверил дятел.

— Экий ты, дятел, глупый! — сказала лиса. — Разве не видишь, какая на мне шубка? Я её сама сшила!

Посмотрел дятел одним глазом, посмотрел другим. Шуба на лисе отличная. И сшита в самый раз, и цветом удалась.

— Ладно! — сказал дятел. — Научи его ремеслу портняжному.

И бросил ей сына своего, самого шустрого.

Лиса его подхватила и прочь умчалась.

Вот бежит она по лесной дороге и думает: «Славный у меня завтрак будет».

Вдруг навстречу ей человек.

— Стой, лиса! Отпусти птенчика! — крикнул человек.

Лиса было туда, лиса было сюда. Но человек ей везде дорогу заступил.

Села лиса, положила дятлѐнка перед собой и говорит человеку:

— Ну, чего ты ко мне привязался? Не съем я его. К себе несу, учить ремеслу. Портняжному.

А лиса того не знала, не ведала, что говорит она с портняжным мастером.

Человек лисе пальцем погрозил:

— Врёшь, Патрикеевна! Ты портняжного дела не знаешь.

— Нет, знаю! — вскрикнула лиса. — Посмотри, какая шубка на мне. Сама кроила, сама шила, сама красила.

Усмехнулся портной и говорит:

— Покажи подкладку, тогда поверю!

Смекнула лиса, что этого человека ей не обмануть, шкуру свою за шубку не выдать.

Отдала ему дятлѐнка и в лес шмыгнула.

А портной взял птенца, положил в шляпу и с собой унёс.

Опять прибежала лиса под зелёный дуб. Раскинула хвост пушистым ковриком и кличет снизу:

— Эй, дятел! Брось мне другого птенца! Я и его ремеслу выучу!

Посмотрел дятел на лису одним глазом, посмотрел другим и сверху спрашивает:

— Портняжному?

— Нет, кузнечному. Будет дятлам носы ковать железные. На весь лес прославится!

Удивился дятел:

— Ты и кузнечное ремесло знаешь?

— Экий ты, дятел, глупый! Не видишь, что ли, какие у меня когти? Я сама их ковала, железные. Сама точила, острые.

— Ладно, — сказал дятел. — Учи его ремеслу кузнечному.

И бросил ей другого сына.

Подхватила его лиса и прочь умчалась.

Вот бежит она по лесной дороге и думает: «Славный у меня обед будет».

Вдруг навстречу ей человек.

— Стой, лиса! Отпусти птенчика! — крикнул человек.

Лиса было туда, лиса было сюда. Но человек ей везде дорогу заступил. Села лиса, положила дятлѐнка и говорит человеку:

— Ну, чего ты ко мне привязался? Не съем я его. К себе несу, учить ремеслу. Кузнечному.

А того лиса не знала, не ведала, что говорит с кузнечным мастером. Человек лисе пальцем пригрозил:

— Не ври, Патрикеевна! Ты кузнечного дела не знаешь.

— Нет, знаю! — вскричала лиса. — Посмотри, какие у меня коготки. Сама ковала, железные. Сама точила, острые.

Хохотнул кузнец и говорит:

— Ударь коготком о камушек. Если искры полетят, тогда поверю.

Поняла лиса, что и этого человека ей не обмануть. Коготки свои костяные за железные не выдать. Отдала ему дятлѣнка и в лес шмыгнула. А кузнец положил птенца в ладонь и с собой унёс.

Снова прибежала лиса под зелёный дуб. Раскинула хвост пушистым ковриком. И зовёт снизу:

— Эй, дятел! Брось мне и третьего. Я его тоже ремеслу выучу!

Посмотрел дятел на лису одним глазом, посмотрел другим и сверху спрашивает:

— Портняжному выучишь или кузнечному?

— Сапожному! Будет зверушкам сапожки тачать. На весь лес прославится!

Не стал дятел лису расспрашивать. Бросил ей сына, последнего. Лиса его подхватила и прочь умчалась.

Вот бежит она по лесной дороге и думает: «Осталась я без обеда и завтрака, зато славный у меня ужин будет!».

Вдруг навстречу ей опять какой-то человек.

— Стой, лиса! Отдай птенчика! — крикнул человек.

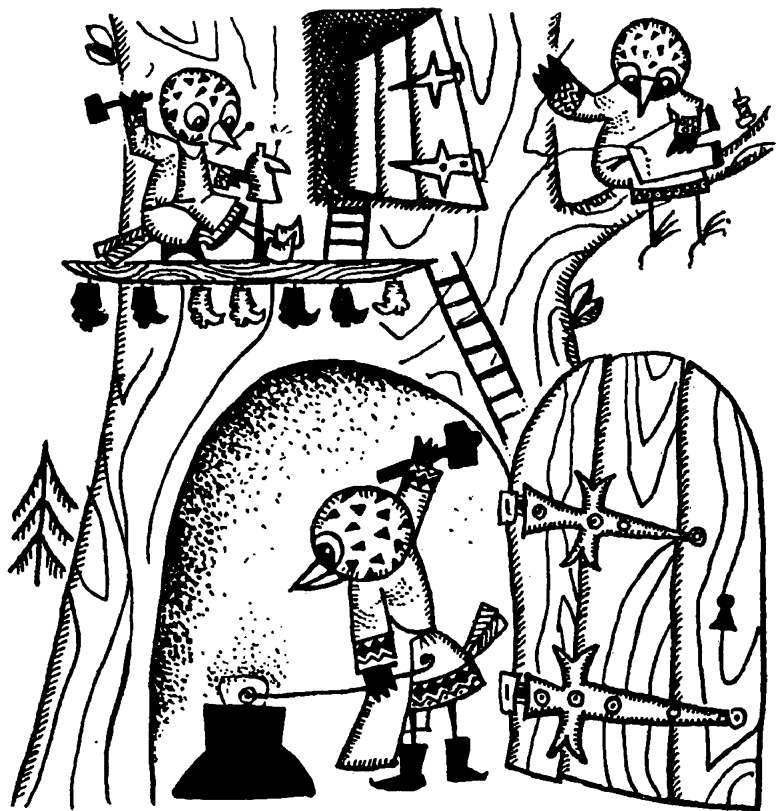
Лиса было туда, лиса было сюда. Но человек ей везде дорогу заступил. Села лиса, положила дятлѣнка и говорит:

— Ну чего ты ко мне привязался? Не съем я его. К себе несу, учить ремеслу. Сапожному.

А того она не знала, не ведала, что говорит с сапожным мастером.

Человек лисе пальцем погрозил:

— Ври у меня, Патрикеевна! Не знаешь ты сапожного ремесла.

— Нет, знаю! — вскричала лиса.
— А почему тогда сама без ботинок?
— В нашем лесу теперь мода такая: все босиком бегают, — схитрила лиса.

Рассмеялся сапожник и говорит:

— Ну, если все босиком бегают, то незачем и сапожному ремеслу учиться!

Спохватилась лиса, что маху дала. Да поздно. Пришлось и этого дятлѐнка человеку отдать. Взял человек птенца и унёс.

Много ли, мало ли времени прошло с тех пор, никто не знает. А только по всем лесам стучат теперь дятлы:

Тук! Тук!

Тук-тук!

Наверное, ремёслам у людей выучились.

Портняжному.

Кузнечному.

Сапожному.

СОЛНЦЕВА СЕСТРА

В нашем царстве, русском государстве, в стародавние времена жили-были царь с царицей. И был у них сын Иван-царевич.

Царь всегда ходил туча тучей, а царица вся в слезах, оттого что Иван-царевич немым уродился. Двадцать лет царевичу, а он ещё ни единого слова не вымолвил.

Вот отправился Иван-царевич раз в царские конюшни к старому конюху сказок послушать. А старый конюх и говорит ему:

— Не до сказок теперь, царевич, не до при-сказок. Всеми царству пришёл конец. Идёт-бредёт на Русь ведьма Ягишна. Несёт в суме беду неминучую. А поведал о том вещий конь на царском лугу.

Пошёл Иван-царевич во дворец. А туда уж народ бежит, царя спрашивает, скоро ль ведьму ждаты и как беду встречать.

Поклонился Иван-царевич отцу и вдруг сказал словами звонкими, как медь с серебром:

— Дай мне, государь, коня самого лучшего. Я в отъезд пушусь.

Оторопели сначала все, обрадовались: «Экое диво! Немой царевич заговорил!»

Царь взглянул на царевича и нахмурился.

Посмотрела царица и потупилась. Поглядели на него люди и глаза отвели. Не по душе всем пришлась такая прыть царевича — бросать царство на беду неминуемую, самому в отъезд пускаться.

А того никто не знал, не ведал, что у Ивана-царевича на уме.

Приказал царь дать сыну коня самого лучшего и отпустил царевича на все четыре стороны, а народу повелел своею царской волею имя Ивана-царевича позабыть и впредь не выговаривать.

Опечалился Иван-царевич, да делать нечего. Пошёл в царские конюшни выбирать коня. Оглядел он коней всех мастей, всех статей, а какого выбрать, не знает.

В тёмном углу увидал царевич конишку ледащего. Ростом конишка с козу. Шерсть свалялась, копытца врозь.

Подивился Иван-царевич: «Сроду в царских конюшнях сраму такого не было». Да вдруг заметил у конишки в глазу искорку.

— Беру этого! — сказал Иван-царевич.

— Быть, царевич, по-твоему! — молвил старый конюх.

И повёл конишку седлать.

А уж слуги бегут, меч и шапку царевичу несут. Но как увидели слуги конишку ледащего, так и покатались со смеху: «Ну и конь!»

Иван-царевич мечом опоясался. Шапку соболиную надел. А как сел на конишку ледащего, ударил конишка о землю копытцами и тотчас в коня небывалого обернулся: из глаз искры летят, из ноздрей дым валит, грива белая морской волной колышется!

— Батюшки-светы! — вскричали слуги. — Под царевичем вещий конь!

И никто рта закрыть не успел, как взвился конь с Иваном-царевичем выше облака. Не успел никто глазом моргнуть, а они уж и из виду скрылись.

Скакал вещий конь через горы и доли, царевича спрашивал:

— Не страшна ли тебе такая езда?

— Какая это езда! — отвечал Иван-царевич. — Я от скуки в седле уснул.

Скакал вещий конь через реки и пропасти, царевича спрашивал:

— Не страшна ли тебе такая езда?

— Какая это езда! — отвечал Иван-царевич. — Я и поводья бросил.

— Ну, коли так, теперь приказывай, какую тебе службу сослужить, — сказал вещий конь и опустил копыта на холме в чистом поле, в чуждальной стороне.

Иван-царевич сказал коню:

— Идёт-бредёт на Русь ведьма Ягишна. Несёт в суме беду неминуемую. Хочу я злой ведьме дорогу заступить.

Отвечает конь Ивану-царевичу:

— Знай, царевич: у ведьмы Ягишны зубы железные, клюка каменная, нога костяная. Не берёт ведьму ни меч, ни копьё. А как её одолеть, только Солнцева Сестра знает.

— Скачи к Солнцевой Сестре, — приказал Иван-царевич.

Но вещий конь ему так отвечал:

— Нету к Солнцевой Сестре пути конного, богатырского, прямоезжего. К ней идти надо пешему, безоружному, с непокрытой головой. Ты ступай, царевич, дорогу у добрых людей спрашивай. А моя служба впереди.

Иван-царевич с седла долой, шапку оземь, меч наземь. И пошёл с холма.

Долго ли, коротко ли шёл Иван-царевич, увидал избушку в два окошка. Под окошком две старушки. Они шьют, шьют, на Ивана-царевича не глядя, говорят:

— Ладно пеший идёшь, а то мы конского топоту не любим.

— Отчего вы конского топоту не любите? — спросил их Иван-царевич.

Отвечают ему старушки:

— Когда девицами были, набежали лихие всадники, угнали нас на чужую сторонushку. С той поры невзлюбили мы конского топоту. А куда ты, молодец, путь держишь? — спросили старушки Ивана-царевича.

— Иду к Солнцевой Сестре, а пути-дороги не ведаю, — отвечает царевич.

Старушки ему и говорят:

— Вот сундук иголок доломаем, сундук ниток изошьём, тогда и дорогу тебе покажем, а прежде нельзя, не то наша смерть придёт.

Иван-царевич вчуже обрадовался:

— Вам, бабушки, шить да шить, жить да жить! А мне ждать некогда. Идёт-бредёт на Русь ведьма Ягишна. Несёт в суме беду неминучую. Только Солнцева Сестра знает, как ведьму одолеть.

Тут старушки всполошились. Рассыпали иголки, спутали нитки. Застучали перстами Ивану-царевичу в лоб:

— Экий ты бестолковый! Так и надо было сразу сказать. Мы ведь родом из русской сторонushки! Ты ступай скорей туда, откуда ветры дуют солёные. Придёшь к морю синему. И когда солнышко низко будет, покличь: «Солнце-солнце,

отвори оконце!» Отворит солнце оконце, из него Солнцева Сестра выглянет. Тут ты у неё и спроси, как ведьму злую одолеть.

И только последнее слово старушки вымолвили, тотчас рядышком легли и умерли. Поклонился им Иван-царевич и пошёл в ту сторону, откуда ветры дуют солёные. К самому морю си-
нему.

Много ли, мало ли шёл Иван-царевич, встрети-
лась ему на пути дубрава. Ни глазом её ни
окинуть, ни насквозь пройти. А посредине дуб-

равы мужик-великан стоит, дубы ему по пояс. Мужик одной рукой дубы из земли выворачивает, другой рукой кидает невесть куда. Да не больно торопится.

— Эй, Вертодуб! Раскидай дубы на моём пути! — крикнул ему Иван-царевич.

Поглядел Вертодуб вниз на Ивана-царевича и говорит:

— Ладно ты без оружия. Не люблю я оружного бряцанья.

— Почему ты не любишь оружного бряцанья? — спросил царевич.

— Когда отроком был, набежали лихие люди с оружным бряцаньем, увели меня на чужую сторону. А куда ты, молодец, путь держишь? — спросил Вертодуб Ивана-царевича.

— Иду к Солнцевой Сестре, только мне дубраву эту не пройти, — отвечает царевич.

— Мне дубы до смертного часа выворачивать. Если хочешь, жди, — сказал Вертодуб.

Иван-царевич вчуже порадовался:

— Долго тебе жить, Вертодуб, долго дубы выворачивать. А мне ждать некогда. Идёт-бредёт на Русь ведьма Ягишна. Несёт в суме беду неминучую. А как ведьму злую одолеть, только Солнцева Сестра знает.

— Что ж ты, бестолочь, сразу мне не сказал! — рассердился мужик Вертодуб. — Я ведь родом из русской сторонушки!

И принялся Вертодуб обеими руками дубы раскидывать. Оглянуться не успел Иван-царевич, как на месте дубравы стало поле чистое. Иван-царевич поле перешёл, а мужик Вертодуб лёг и умер.

Поклонился ему Иван-царевич и пошёл.

Много ли, мало ли прошёл Иван-царевич,

встретились ему на пути горы. Ни глазом их ни окинуть, ни перейти. А посреди гор стоит мужик-великан, горы ему по пояс. Мужик горы ворочает, с места на место переставляет. Да не больно торопится.

— Эй, Вертогор, — крикнул ему Иван-царевич, — убери горы с моего пути!

Поглядел Вертогор вниз на Ивана-царевича и говорит:

— Ладно ты не в собольей шапке.

— Отчего тебе шапки соболя не нравятся? — спросил царевич.

— Когда молод я был, понаехали люди в собольих шапках, купили меня в кабалу, увезли на чужую сторону. А куда ты, молодец, путь держишь? — спросил мужик Вертогор Ивана-царевича.

— Иду к Солнцевой Сестре. Только горы эти мне не перейти, — отвечает царевич.

— Мне до смертного часа горы ворочать. Если хочешь, жди, — сказал Вертогор.

Иван-царевич вчуже порадовался:

— Долго тебе жить, Вертогор, долго ещё горы ворочать. А мне ждать некогда. Идёт-бредёт на Русь ведьма Ягишна, несёт в суме беду неминуемую. А как злую ведьму одолеть, только Солнцева Сестра знает.

— Что ж ты сразу мне не сказал, бестолочь! — рассердился мужик Вертогор. — Я ведь родом из русской сторонущи.

И принялся горы поскорей сворачивать. Иван-царевич оглянуться не успел, как на месте гор стало поле чистое. А мужик Вертогор лёг и умер.

Поклонился ему Иван-царевич и пошёл.

Много ли, мало ли шёл Иван-царевич, а за

солнышком не поспел. Ушло оно за море синее на покой. Сел царевич на берегу. Стал утра ждать, когда солнце из-за моря встанет.

Ждёт-пождёт Иван-царевич да на море глядит.

Дуют с моря ветры солёные, ходят в море волны белогривые. Месяц ясный над морем ладьёй плывёт.

А как месяц ясный из конца в конец моря проплыл, тут и ночь минула. Взошло солнышко, низко-низко над Иваном-царевичем стало. Встрепенулся царевич и что было силы крикнул:

— Солнце-солнце! Отвори оконце!

Отворило солнце оконце, а из него Солнцева Сестра выглянула. Тут Иван-царевич и сказал ей:

— Злая ведьма на Русь идёт, с бедой неминучей суму несёт. Научи меня, как ведьму одолеть, Русь от беды избавить!

Отвечала Солнцева Сестра:

— А ты потягайся с ней — что перевесит: сума с бедой или кувшин с водой?

И на шёлковом шнурке спустила кувшин прямо в руки Ивану-царевичу. Кувшин простой, глиняный, в нём невесть какая вода плещется.

— А где Ягишну встречать, где ей путь заступать? — спросил царевич.

Посмотрела Солнцева Сестра из-под ладони и говорит:

— Да вон она идёт-бредёт, насилу суму несёт. Тут её и встречай.

Глядит Иван-царевич, а солнце уж далеко. Глядит, а ведьма уж близко. Идёт-бредёт злая ведьма Ягишна. Костяной ногой загребаёт. О клюку каменную зубы железные точит.

Набрела она прямо на Ивана-царевича. Гла-

зами пустыми на него уставилась. Кривым носом туда-сюда повела и говорит:

— Чую, чую русский дух. Знаю, знаю, Иван-царевич стоит. А почто, царевич, у тебя кувшин в руках?

— Хочу море вычерпать, — отвечает Иван-царевич.

Затряслась, засмеялась Ягишна и опять спрашивает:

— А зачем, царевич, тебе море вычерпывать?

— Чтоб опять налить его доверху, — отвечает Иван-царевич.

Ещё пуще затряслась, засмеялась ведьма Ягишна. И в сторонку бормочет:

— Вижу, вижу, русский царевич глуп, он меня на Русь поведёт, мою суму понесёт!

А царевичу говорит:

— Ступай, царевич, домой. А я пойду за тобой. Да суму мою понеси, я тебе за это пряников дам!

— Не по мне такая ноша, — сказал Иван-царевич. — Больно твоя сума легка.

— А ты попробуй, — сказала Ягишна.

И суму с плеч сняла.

— Нет, сначала давай потягаемся — что перевесит: мой кувшин или твоя сума, — нарочно заупрямился Иван-царевич.

Положил он брёвнышко на камешек. На конец брёвнышка ведьма Ягишна суму свою свалила и говорит:

— Если твой кувшин моей сумы не перетянет, ты меня на Русь поведёшь, мою суму понесёшь!

— Ан не бывать, ведьма, по-твоему! — вскричал Иван-царевич.

И поставил кувшин на другой конец брёвнышка.

Кувшин сразу вниз так потянул, что сума с

бедой взлетела выше облака. А оттуда в море ухнула. Всколыхнулось море — и нет суммы, как не было.

Взвыла ведьма тогда на весь белый свет:

— Чую, чую, в кувшине живая вода! Знаю, знаю, кто тебе дал!

Замахнулась злая ведьма клюкой каменной. Хотела кувшин разбить. А Иван-царевич кувшин подхватил — бежать. За ним Ягишна — догонять. Она бежит, ногой костяной загребает, приговаривает:

— Забью царевича клюкой до смерти! В сырую землю втопчу его косточки!

И догнала бы злая ведьма Ивана-царевича, да откуда ни возмись очутился перед ним вещий конь. Иван-царевич в седло, вещий конь на дыбы — и вскачь! Только прах из-под копыт летит, из ноздрей дым валит, из глаз искры сыплются.

А ведьма Ягишна сзади бежит, не отстаёт, приговаривает:

— Догоню, догоню! Затопчу, затопчу! И коня и всадника!

Скачет, скачет Иван-царевич. Видит: в поле лежит мёртвый Вертогор. Остановил царевич коня. Из кувшина плеснул живой водой Солнцевой. И вскочил Вертогор на ноги, будто выспался.

— Эй, Вертогор! — крикнул ему Иван-царевич. — Поставь за мной горы!

Вертогор поскорей стал горы ставить, одну на другую наваливать. И встали перед ведьмой горы высокие.

Скачет, скачет Иван-царевич, видит: лежит в поле мёртвый Вертодуб. Остановил коня Иван-царевич. Плеснул из кувшина живой водой

Солнцевой. Вскочил Вертодуб на ноги, будто выспался.

— Эй, Вертодуб! — крикнул Иван-царевич. — Поставь за мной дубы!

Вертодуб поскорей стал дубы ставить. И выросла перед ведьмой дубрава неоглядная.

Скачет, скачет Иван-царевич на вешем коне. Видит: возле избушки две старушки мёртвые лежат.

Остановил царевич коня. Выплеснул на них всю живую воду Солнцеву, какая в кувшине осталась. И вскочили старушки, да не старушками, а красными девицами!

Скакал вещий конь на Русь, через горы и доли перемахивал, Ивана-царевича спрашивал:

— Не страшна ли тебе такая езда?

— Страшна! — отвечал Иван-царевич. — Едва в седле держусь!

Скакал конь через реки и пропасти, Ивана-царевича спрашивал:

— Не страшна ли тебе такая езда?

— Страшна! — отвечал Иван-царевич. — Боюсь поводья из рук выпустить.

А через время короткое очутился Иван-царевич на царском лугу. Вещий конь ему сказал:

— Прощай, Иван-царевич! Кончилась моя служба.

И пропал как не было. Только седло на земле лежит. А сюда уж народ бежит. А над городом-столицей колокольный звон стоит. Как ни скор вещий конь, а добрая весть проворнее. На Руси всем уже было ведомо: осталась ведьма Ягишна за горами, за дубравами, а сума её с бедой неминучею в море сгинула.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕРЕМОК	4
О ЕРШЕ ЕРШОВИЧЕ, СЫ- НЕ ЩЕТИННИКОВЕ	12
ВАНЬКА	18
МИЗГИРЬ	31
ВОЛК И СОБАКА	37
ЗОРЬКА, ВЕЧОРКА, ПО- ЛУНОЧКА — БОГА- ТЫРИ	43
ЧЕСТНАЯ ЛИСА	62
ЛИСА И ДЯТЕЛ	67
СОЛНЦЕВА СЕСТРА	75

**ВОРОБЬЁВ
ВЛАДИМИР
ИВАНОВИЧ**

**СОЛНЦЕВА
СЕСТРА**

**СКАЗКИ
ПО МОТИВАМ
РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА**

**ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО
И МЛАДШЕГО
ШКОЛЬНОГО
ВОЗРАСТА**

**Редактор А. Зебзеева
Художественный редактор
М. Тарасова
Технический редактор
Т. Дольская
Корректор И. Пархомовская**

**Сдано в набор 3/VI 1970 г.
Подписано в печать 10/VIII 1970 г.
Формат бумаги тип. № 2 84×108¹/₂.
Печ. л. 2,875 (усл.-прив. л. 4,83),
бум. л. 1,4375; уч.-изд. л. 3,501. Ти-
раж 75 000 экз. Цена 27 коп. Перм-
ское книжное издательство. Пермь,
Карла Маркса, 30. Книжная типо-
графия № 2 управления по печати.
Пермь, Коммунистическая, 57.
Зак. 821.**

**ДОРОГИЕ
РЕБЯТА!**

НАПИШИТЕ,
ПОНРАВИЛАСЬ ЛИ ВАМ
ЭТА КНИГА.

НАШ АДРЕС:

г. ПЕРМЬ,
ул. КАРЛА МАРКСА,

ДОМ 30.

ПЕРМСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО.

27 коп.

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО